

У их директора еще до повышения был отличный нюх, его зоркие глаза всегда находили возможности.

Надо будет спросить, кем он был при жизни.

Шэнь Чжу ждал, пока его накормят, а 931-й постучал в окно.

Малыш Чжу-цэ и малыш Золотой ворон обменялись взглядами, секунду померились силами, и малыш Чжу-цэ похлопал маленького слайма.

Маленький слайм издал звук «чпок» и подпрыгнул на пол, подскочил к окну и открыл его.

931-й не осмелился войти, он парил снаружи:

— Босс, доклад.

Шэнь Чжу приподнял бровь, кивнул:

— Заходи, расскажи.

Даже если это злой дух, вид, как он качается на ветру, выглядел немного странно, он не собирался мучить сотрудников.

931-й был тронут, осторожно вошел и встал в углу:

— Есть дело для доклада.

— Ну, рассказывай, — Шэнь Чжу кивнул.

931-й подробно описал увиденное и высказал предположение:

— Этот артефакт не действует на призраков, его цель, вероятно, демоны.

И, скорее всего, конкретная цель.

Есть смысл. Шэнь Чжу согласился, кивнул:

— Лайки собраны?

— А, сегодня уже все, — 931-й с сожалением ответил.

Сегодня он должен был оставить одно место.

— В следующий раз, пусть Син Тянь или две змеи разберутся, — Шэнь Чжу погладил подбородок и махнул рукой.

931-й с тяжелым сердцем покинул тридцать четвертый этаж.

Две змеи ушли на задание, а Син Тянь, бог войны, развалился в кресле, попивая пиво:

— Ха, холодное пиво — это кайф.

931-й увидел эту неприглядную картину.

Легко кашлянув, он передал информацию.

Син Тянь одним глотком осушил пиво, вытер пену:

— На нас положили глаз? Я с ним разберусь.

Однако, в Цюаньшане было слишком много талантливых и необычных существ, и даже боевой топор не понадобился, малыш Хоу весело притащил того человека в черной толстовке.

— Ха-ха-ха, я поймал трофей! Малыш Таоте, ты проиграл! — Малыш Хоу радостно поднял свои пушистые ушки.

Малыш Таоте негодовал:

— Пф! Ты вырвал его у меня из пасти!

Син Тянь закашлялся:

— Эээ...

Син Тянь снова открыл пиво:

— Эй, ребята, как вы его поймали?

Малыш Хоу:

— Этот парень вел себя подозрительно, с острым носом и втянутыми щеками!

Малыш Таоте понюхал:

— От него пахло нашими сотрудниками из Цюаньшань, это странно.

Какой нюх у Таоте, подумал Син Тянь.

Ребята с шумом нашли Шэнь Чжу:

— Брат Шэнь, мы его поймали!

Шэнь Чжу ел булочку с крабовой икрой, щеки раздулись:

— Ммм...

Малыш Таоте слюни пустил:

— Вау!

Янь Юцзю с улыбкой пошел на кухню и принес еще несколько булочек:

— Ешьте, малыши.

— Янь, ты герой! Спасибо, добрый человек, желаю долгой жизни! — Малыш Таоте был бесконечно благодарен, сразу выдал комплимент.

Янь Юцзю:

.....

Просто ешь, не говори.

Шэнь Чжу улыбнулся, взглянув на Янь Юцзю. Добрый человек, желаю долгой жизни.

Янь Юцзю с улыбкой погладил свои кудрявые волосы.

Человек в черной толстовке был в замешательстве, он не понимал, как его обнаружили и схватили.

Казалось, это произошло в одно мгновение...

А потом его просто схватил малыш и потащил, как воздушного змея.

— Кто ты такой? — Шэнь Чжу отложил вилку и кивнул.

Человек в черной толстовке с подозрением посмотрел на него, плюнул и не сказал ни слова!

Его кости были острыми, глаза с преобладанием белого, скулы высокие, а на лбу были морщины.

Ветер сдул капюшон, обнажив его лысую голову, ведь волосы — это остатки крови, а почки — их цветение.

Такие люди завистливы и недовольны миром, они хитры, но не имеют больших способностей, всегда ищут легкой наживы.

Морщины на лбу указывали на проблемы в семье, это было лицо, губительное для жены и детей.

Но и это было не самое страшное, Шэнь Чжу увидел на нем восемь нитей причинности, ведущих к жизни и смерти.

Кровавые, они говорили о том, насколько грязен был этот человек.

Шэнь Чжу сделал вывод: негодяй.

Малыш Хоу сглотнул кусок крабовой икры:

— Если он не хочет говорить, я заставлю его, он скажет.

Малыш Таоте понюхал:

— Преступник, пусть я его съем.

— Кстати, вот это! — Малыш Хоу вспомнил, что он еще схватил стеклянный шарик.

Шэнь Чжу взял шарик, белая шерсть все еще билась внутри.

Он сделал заклинание, используя шерсть как проводник, и постепенно проявились нити связи...

— Хм? — Шэнь Чжу удивился, появилось две нити, одна вела на восток, другая на запад.

Две нити указывали на гору Луншань и курорт горы Лэшань.

Шэнь Чжу:

.....

Малыш Хоу подпрыгнул к окну, заглянул наружу:

— Эй, что это?

Как одна шерсть может вести к двум нитям? Невероятно.

Эта шерсть непутёвая!

Шэнь Чжу с любопытством моргнул, набрал номер:

— Снежная дева, пусть те, у кого есть нити, вернутся на тридцать четвертый этаж.

На другой стороне Снежная дева, сидевшая в беседке и любовавшаяся снегом, выглянула и кивнула.

Она вышла на снег, ее почти прозрачная рука собрала горсть снега.

Слегка сжав, она быстро слепила овальный снежок, случайно сорвала два зеленых листа для ушек.

Подув на милого снежного кролика, она оживила его, и он побежал вдаль.

На заснеженном склоне Снежная дева с холодным выражением лица едва заметно улыбнулась.

Чу Сяомао, закончив трансляцию, не спешила уходить, играя в снегу.

Милый снежный кролик подпрыгнул к ней.

Пушистый белый комочек, помахивая своими новенькими девятью хвостами, облизнул нос:

— Мяу-мяу?

— Босс зовет, на тридцать четвертый этаж.

Голос Снежной девы был тихим, как эхо.

— Хорошо, передай своей хозяйке спасибо! — Чу Сяомао лапкой похлопала по снегу.

Только тогда она поняла, что на ней появилась нить.

Ее лицо стало серьезным, она начала догадываться, что это может быть.

С другой стороны, так как Шэнь Чжу не уделял внимания горе Лэшань, он не знал, кто там находится.

К счастью, тот, кто был связан нитью, сам проявил инициативу и позвонил:

— Босс, на мне вдруг появилась странная нить...

Художник, узнав правду, стал очень чувствительным, всегда чувствуя, что что-то не так.

И это было так.

Шэнь Чжу приподнял бровь:

— Возвращайся ко мне.

Кошка была быстрой, она пролетела обратно, размахивая пушистым хвостом, за тридцать секунд.

Художнику потребовалось больше времени, он вернулся через полчаса.

Как только он поднялся на тридцать четвертый этаж, взгляд Чу Сяомао упал на маленького птенца и не мог оторваться.

«Мяу-мяу, хочется потрогать лапкой».

— Чип-чип! — Малыш Золотой ворон с высоты смотрел на эту кошку-демона.

Малыш Чжу-цэ выглянул:

— Чип-чип?

Белая шерсть хороша, хочется сделать гнездо...

В отличие от божественных зверей или зверей, рожденных небом и землей, Чу Сяомао сама понемногу стала кошачьим бессмертным.

Когда она родилась, она была обычным белым котенком, но случайно съела духовный плод и обрела разум.

Каждый день она поглощала энергию солнца и луны, и со временем у нее выросло несколько хвостов.

Она обладала аурой бессмертного зверя, но не могла сравниться с божественными зверями.

Поэтому, когда малыш Чжу-цэ пристально смотрел на нее, мысли о том, чтобы схватить птенца, исчезли.

Девятихвостая кошка вздыбила шерсть, как испуганный малыш.

Прости, я ошиблась!

Увидев Чу Сяомао, человек в черной толстовке замер, его зрачки расширились, в глазах вспыхнула жадность.

Если бы его не держали, он бы сразу снял с нее шкуру и вырвал ее девять толстых хвостов.

Это была девятихвостая кошка-демон, способная дать человеку бессмертие!

Художник, как черепаха, медленно вернулся и тоже заметил кошку, присмотревшись, он потерял дар речи.

Где-то он уже видел эту кошку.

Чу Сяомао понюхала, злобно оскалилась:

— Мяу! Это ты!

Вместо гордой и благородной манеры, сейчас Чу Сяомао яростно била хвостом по полу, ее тело наполнилось гневом.

Ее взгляд был холодным и свирепым, она готова была ударить художника лапой и разорвать его.

Художник вздрогнул, пришел в себя:

— Я тебя видел!

Чу Сяомао гневно выдохнула:

— Пф, подлый человек! Ты...

Шэнь Чжу удивленно моргнул:

— Хм?

Он махнул рукой, и два малыша бросились вперед, чтобы удержать разъяренную кошку:

— Что ты распустилась!

<http://bllate.org/book/16899/1567849>